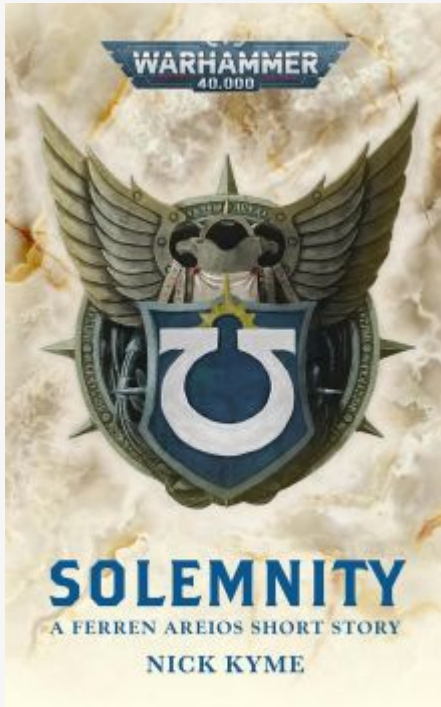


Торжество / Solemnity (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Торжество / Solemnity (рассказ)



| | |
|----------------------------------|---|
| Автор | Ник Кайм / Nick Kyme |
| Переводчик | Harrowmaster |
| Издательство | Black Library |
| Серия книг | Огненная заря / Dawn of Fire |
| Источник | Black Library Advent 2024 |
| Год издания | 2024 |
| Подписаться на обновления | Telegram-канал |
| Обсудить | Telegram-чат |
| Скачать | EPUB , FB2 , MOBI |
| Поддержать проект | |

Сюжетные связи

| | |
|-------------------------|---|
| Входит в цикл | Огненная заря / Dawn of Fire |
| Предыдущая книга | Длань Абаддона / Hand of Abaddon Рыцари Макрагга / Knights of Macragge |

Он оказался не готов — а такое случалось нечасто. Практика, теория — тактическая готовность была вплетена в генетический шаблон Ультрадесантника. Но как он мог подготовиться к *такому*? К такой необъятности. Такому величию. Такой *значимости*.

Феррен Арейос был одет лишь в плащ с капюшоном и сандалии. Он не взял с собой оружия и с него сняли все знаки различия. Он предпочёл бы встать голышом перед Гиллиманом, самым Мстящим Сыном, чем оказаться в этом месте для поминовения.

Чем оказаться здесь вместе с *ним*. С Максимом Эпатом^[1].

Астартес с трудом переживали скорбь.

Прошло несколько лет с тех пор, как они оказались в Стигийском Проливе, как вошли в Чернокаменную крепость и столкнулись с тем, что обнаружили там. Вместе с группой храбрых слуг Императора, Арейос вместе со своими воинами истребил так называемую «Длань Абаддона»^[2] и положил конец угрозе, которая нависла над всем крестовым походом Индомитус. Некоторые считали, что опасность никуда не исчезла, но Арейос давно понял — он может сражаться лишь с теми врагами, которых видит и способен убить. Если Длань вновь даст о себе знать, он будет готов.

А сейчас его ждали более важные дела.

Ему казалось, что он знает, в чём состоит смысл жизни астартес. После раны, полученной от тёмного апостола, после столкновения с вероломством и смертельной опасностью Длани Абаддона, ему казалось, что он всё понял. Бремя. В чём его суть. С тех пор он взял на себя обязанности командира и возглавил братьев вместо погибшего капитана, подавляя злость на смерть Эпата. Эта злость скрылась внутри него и гноилась, пока угли гнева не превратились в пламя. В холодное пламя — Трон всемогущий, как-никак, он был Ультрадесантником, а не одним из ветреных кузенов — но лёд обжигал ничуть не хуже огня.

Он видел, куда может завести гнев. К Королю-мяснику и его слугам. С самого своего вознесения, Арейос сполна познал все оттенки порчи, и её облик не сильно отличался от его собственного. Но против Короля-мясника, против одного из Длани, он впервые испытал бесконтрольную вспышку красного зарева, на самой границе чувств. Она граничила с яростью, и несмотря на все упражнения по самоконтролю, поселила в нём тревогу. Годы спустя, получив приказ предстать перед лордом-примархом для официального назначения на должность капитана шестой роты и магистра обрядов, Арейос впервые понадеялся на... А на что он, собственно, надеялся? На мир? Нет, мир был всего лишь фантазией для заблудших в Галактике, на которую опустилась ночь. Особенно для подобных ему, кто не познает мира, пока смерть не украдёт у них право исполнять свой долг. На исцеление? Возможно. Незримые раны, желание броситься, сломя голову, в пучину ада и сражаться, сражаться, пока не запыхают мускулы и не окостенеют руки... Унялись в чистоте сражения? Он не был в этом уверен. Значит, он нуждался в завершении, а через него — в хоть каком-то катарсисе. Путешествие на столичный мир империи, на сам Макрагг, должно было напомнить ему о том, кто он есть, и помочь смириться с тем, что он одновременно обрёл и утратил.

Во всяком случае, он надеялся на это.

Он шёл в одиночестве, ибо совершал настоящее паломничество — во всём, кроме названия. Челнок перенёс его с ударного крейсера «Честь Иакса», где он оставил Цицерона, Друсса и остальных братьев, на посадочную платформу в районе Башни Исправления и его места назначения. Часть пути он проделал пешком в толпе цивитов^[3], которые кланялись, уступали дорогу или выражали уважение

иными способами, завидев его. Ни один горожанин не приближался к башне, в отличие от связанных договором сервов, которые шли туда по своим делам с опущенными головами и подобающей торжественностью. Именно там, внутри августейших стен этого сияющего кобальтом монумента, украшенного золотой Ультимой ордена, находился храм Геры и место последнего упокоения Робаута Гиллимана.

Он поддался искушению посетить храм — у него ещё оставалось немного времени до аудиенции с примархом — чтобы увидеть, где именно его повелитель стоял в стазисе на протяжении почти десяти тысяч лет, прежде чем чудесным образом вернуться к жизни. В отличие от многих сородичей, ему не пришлось проводить годы в ожидании чуда. Арейос был рождён примарисом; он никогда не знал вселенной без Робаута Гиллимана, и всё же любопытство не покидало его. Он узнал, что на том месте, которое прежде занимал раненый сын Императора, установили статую, обессмертив Гиллимана в несколько ином ключе. Впрочем, он и так повидал множество статуй, многие из которых изображали его повелителя, и не горел желанием рассматривать ещё одну — какой бы величественной она ни оказалась.

А потому, пройдя по охраняемому коридору и войдя в огромные ворота, он спустился вниз. Там он впервые ощутил его — величие этого места и его значимость для всего ордена. Несмотря на внешний стоицизм и отсутствие эмоций, его переполняло благоговение. Однако, оно не умерило его гнева; Арейос по-прежнему чувствовал внутри себя эту ледяную иглу. Сжав закованные в броню кулаки, он направился в армориум. Стаи сервов налетели на него, словно стервятники, чтобы избавить его могучее тело от доспехов и облачить в кобальтовый плащ с серебряной каймой и гордой Ультимой на груди. Кто бы ни пришёл сюда, его бы встретили тем же образом, ибо все были равны в почтении к умершим. Глубоко в душе, Арейос был рад анонимности, которую дарил плащ. Он казался ему безмолвным саваном, под которым можно спрятаться ото всех и остаться наедине с собой.

Бледные, согнувшиеся в три погибели и оснащённые примитивной аугметикой сервы торжественно поклонились своему повелителю и унесли элементы доспехов в хранилище, где они будут дожидаться его возвращения. Каждый из них был бесценным артефактом — как и его оружие, которое забрали тем же образом. Двое смертных взяли по одному из клинков, ещё трое приняли на себя вес болт-винтовки. Арейос пристально наблюдал за ними, чувствуя, словно его только что лишили рук и ног. Его пальцы бессознательно сжимались сами по себе — утрата оружия задела его на уровне инстинктов.

Как только сервы ушли, Арейос получил пару мгновений на размышления, прежде чем продолжить свой путь. Армориум погрузился во тьму, выход наружу ему указывали авто-жаровни и маленький сервочереп с восковой свечой на макушке. Он завис прямо перед ним, держась в воздухе на антигравитационных двигателях куда худшего качества, чем те, что устанавливались на «Репульсоры» в его братстве. Эпат предпочитал их всем остальным методам ведения войны. Неимоверно жаль, что его последний бой не стал атакой бронетехники. Ещё один пункт в копилку сожалений.

Натянув на голову капюшон, Арейос позволил сервочерепу проводить себя до порога, за которым начинались глубокие катакомбы нижних уровней башни Исправления. Открылись очередные ворота, на этот раз ведущие в загробный мир, и он понял, что достиг места назначения.

Зала Торжества.

Он превзошёл все его ожидания — это была гигантская, погружённая в полумрак пещера, тянувшаяся на километры в каждом направлении. Своды её потолка, казалось, бросали вызов тому факту, что сверху на неё давила толща макраггской земли. Костлявые пальцы крылатых херувимов сжимали стальные факелы, свет которых отражался от серебра целой плеяды символов, размером с человеческий череп.

Под Арейосом раскинулась огромная стена из тысяч Ультим, которая сперва вздымалась наверх, а затем спускалась во мрак слева и справа от него. Каждая метка отображала павшего в бою Ультрадесантника. Он не знал, лежат ли их кости в этих гробницах, а рядом не оказалось капеллана, чтобы разузнать подробности. Вполне могло оказаться, что здесь не было ничего, кроме приколоченных к камню серебряных подков. Но это не имело значения: неосязаемая значимость своего наследия перевешивала любые материальные подтверждения.

Высеченные в самой основе мира каменные ступени вели его к подножию мавзолея. На пути вниз, к Арейосу присоединилась стайка потревоженных сервочерепов и херувимов, слетевших со своих насестов. Каждый киборг сжимал в руках какой-нибудь инструмент или кожаную тряпку. Арейос огляделся вокруг. Мрачные спутники держались от него на почётном расстоянии, а другие их сородичи занимались очисткой и полировкой Ультим. Несмотря на их усилия, некоторые символы не могли скрыть свой возраст. Впрочем, тёмная патина почти не мешала потускневшему серебру по-прежнему блестеть.

В самом низу лестницы один из летающих жителей зала передал Арейосу факел. Он молча принял его и принялся озираться, пытаясь определиться с направлением. Он понятия не имел, где искать Эпата. Арейос видел другие имена, некоторые из них были ему известны по тренировкам и урокам капеллана. Титул, что ему предстояло получить, нёс в себе груз традиций, и от магистра обрядов ожидалось поведение не только боевого командира, но и наставника. Сама эта мысль, как он молча признался себе посреди полумрака, ужасала его. Имена, вроде «*Инвиктус*»^[4] или «*Агнацио*»^[5], сверкали у самого потолка мавзолея, и зрение Астартес легко позволяло различить их. Он не нуждался в факеле, но церемонии надлежало чтить.

Арейос начал поиски, стараясь уловить закономерность в расположении символов. По кампаниям, по датам, по ротам? Он пробовал и так, и эдак, но безуспешно. Он чувствовал, как время уходит, и подавленный гнев стал проситься наружу. Прошли часы, один хуже другого. Арейос прошагал целые километры, поднимался на антигравитационном лифте к верхним рядам символов, и по-прежнему ничего. Если он не успеет найти его, то придётся уходить несолоно хлебавши, не сняв с сердца тяжкий груз. Ещё одна трещинка в рассыпающейся плотине, которая сдерживала его ярость.

— Мстящий Сын! — выругался он, и по холодному залу прокатилось хрипкое эхо. Столько часов прошло, а он по-прежнему шатался по мавзолею, и при мысли о почтенных усопших его охватывала тоска.

Он закрыл глаза и сильно сжал пальцами носовую перегородку. Боль дала выход раздражению и злобе. Принесла немного спокойствия. Всё по заветам наставника.

Снова открыв глаза, он заметил кое-что новое, и находка вновь разожгла в нём жажду исследования. Это была отметина в камне, свидетельствующая об отсутствии чего-то — словно в какой-то момент Ультиму выковыряли обратно. Арейос ушёл уже довольно далеко от входа, а потому решил, что этой гробнице никак не меньше нескольких лет. Он заметил контур символа и провёл по нему пальцем.

— Унизительно, — раздался у него за спиной вежливый голос.

Арейос считал, что остался один, а потому резко обернулся к говорившему, разозлившись на собственную неосмотрительность.

Человек носил такой же капюшон и обладал той же статью космодесантника, разве что был чуть ниже и не так широк в плечах. Арейос уловил блеск в глазах, форму лица, но ничего больше. Патрицианские черты, как и у большинства ультрамарцев. Впрочем, было в нём что-то аристократичное, словно его

воспитывали в благородном доме. Он держался подобно царю, или же рыцарю. Арейос не относил себя ни к тем, ни к другим. Он был солдатом, и весьма скромного происхождения.

— Это... — начал было Арейос, — настоящий лабиринт.

Повисла пауза, в течение которой незнакомец, очевидно, рассматривал собрата.

— Тебя явно что-то тревожит, брат.

— Моё поведение тебя не касается.

Он пожалел о своей резкости в тот же миг, как она слетела у него с языка, но гордыня не позволила ему взять слова назад.

— Ты что, мой капеллан? Может, это исповедальня, построенная в виде гробницы?

Арейос почувствовал, как его пальцы крепче стискивают факел. Он осознавал, насколько неуместен его гнев, но ничего не мог с собой поделать.

— Многие из тех, кто приходит сюда, ощущают гнев от утраты, от душевной боли, — спокойно произнёс незнакомец, и его учтивость лишь ещё больше раззадорила Арейоса. — Нам остаётся лишь научиться принимать его.

— Уверяю тебя, брат, моя душа в полном порядке, и я не нуждаюсь в твоих советах.

— Хм, а всё указывает на обратное.

— Говоришь так, брат, словно знаешь меня, — ответил Арейос, едва сдерживаясь.

Если его новый спутник и заметил это, то не подал виду и оставался спокоен.

— Мне не нужно знать тебя, чтобы видеть, как ты сочишься яростью. И по-моему, тут не обошлось без ненависти к себе. Это может быть очень опасно.

— **Я** могу быть очень опасен.

Арейос сделал шаг вперёд. Дело было вовсе не в незнакомце, совсем не в нём; его подгоняла скорбь. Этот воин видел его *насквозь*, видел его изъян, и такая уязвимость терзала его.

Незнакомец ухмыльнулся и негромко рассмеялся. Видимо, это должен был быть обезоруживающий смех, но на Арейоса он оказал прямо противоположный эффект.

— Ты считаешь меня смешным, брат?

Он прищурился, холод жёг его изнутри всё сильнее. Кулаки сжались; костяшки громко хрустнули в тишине мавзолея.

— Что, прямо здесь? — поинтересовался незнакомец, — в этом месте? Я что, так сильно оскорбил тебя? Неужели твоя честь пострадала настолько сильно, что ты решишься обесчестить память усопших?

— Я бы... — начал было Арейос, но как только он моргнул, пелена на миг спала с его глаз. Его *бремя* стало легче.

— Ты мне кое-кого напомнил, — продолжил незнакомец, почувствовав его нерешительность. — Он тоже

позволял своему гневу брать верх над собой, хоть и проявлялось это иначе, чем у тебя. Он позволял высокомерию ослепить себя. И это чуть не привело его к гибели. Многие считали, что он мёртв. Думаю, он и вправду умер, и по возвращении все увидели в нём сильные перемены.

Арейос заметил, что взгляд незнакомца прикован к пустоте в стене почёта, откуда ранее извлекли Ультиму.

— Если ты пытаешься разозлить меня, у тебя отлично получается, — предупредил он. Его ярость было не так-то просто усмирить — но он не опустится до драки здесь. Если незнакомец и был в чём-то прав, то хотя бы в этом.

— Может, продолжим этот разговор в клетках? Расскажешь мне ещё что-нибудь нравоучительное?

Незнакомец улыбнулся тонкой, опасной улыбкой. Словно разрезал ножом. Арейос внезапно понял, что этот человек не в первый раз получает и принимает вызов. То, как он держался — манеры аристократа, уверенность рождённого стать воином и обученного повелевать другими, отточенная множеством сражений. Он захотел уступить — из уважения, не из страха оказаться побитым — но обнаружил, что не способен этого сделать, и решил стоять на своём.

— Не думаю, что это пойдёт нам обоим на пользу. Клинок, обнажённый в гневе, режет как врага, так и своего владельца.

— А может, ты просто осознал, что я лучше тебя?

— Эх, самонадеянность юности... — подметил незнакомец.

Арейос ощетинился, теперь окончательно уверившись, что этот человек решил поиздеваться над ним.

— Я сражаюсь за Императора вот уже десять лет.

— А у меня за плечами было намного больше, когда я получил свой самый жестокий урок. И заплатил за него цену...

Лицо незнакомца ожесточилось, и Арейос увидел в нём отражение собственного гнева. Он стоял возле одного из символов. Под ним была высечена надпись на ультрамарском языке.

Праксор Манориан.

Арейос не узнал это имя и устыдился своего невежества. Его похвальба десятком лет службы теперь казалась пустой и жалкой.

Он увидел другие имена.

Гай Прабиан.

Юстус Пиллиум.

Элиану Траян.

Целая плеяда имён, и он догадался, что незнакомец подходил к каждому из них по очереди, чтобы почтить память погибших.

— Все они? — спросил он, не веря своим глазам.

— И ещё больше тех, за кого я был в ответе. Я потерял себя, брат, а потом потерялся в прямом смысле. И лишь тогда, когда надо мной сомкнулась тьма, и из неё пришли призраки старых врагов и былых поражений, я вновь обрёл себя. Скажи мне, — спросил он, — чего ты ищешь?

— Пустота в стене, — произнёс Арейос, когда до него дошёл смысл загадочных слов незнакомца. — Это ты?

Незнакомец степенно кивнул головой.

Имя срезали, поэтому Арейос понятия не имел, к кому обращается, но он почувствовал всю глупость своего поведения и стыд за то, как неуважительно он разговаривал с настолько прославленным воином ордена. Гнев никуда не исчез и теперь обратился вовнутрь, но он держал себя в руках.

— Я не смог защитить Максима Эпата, своего капитана. Я прибыл на Макрагг, чтобы получить его должность. И поначалу мне казалось, что я достоин этой чести. *Готов* к ней, понимаешь?

— Лучше, чем хотелось бы. А теперь?

— Теперь...

Он бросил взгляд на символы, на имена под ними.

— Я чувствую гнев, и что я далёк от готовности. Я не планировал приходить сюда. Я пришёл, чтобы почтить павших, прежде чем почести будут оказаны мне, но только войдя в двери мавзолея я осознал, насколько мне это действительно нужно.

— Ты хочешь получить его благословение, его прощение? Максим Эпат был сыном Гиллимана. Он знал свой долг, а ты знаешь свой. Он сражался не за почести, но с честью. Я знал его как непреклонного человека, как капитана, который непременно поступится своими заслугами, если это поможет выполнению задачи. Жаль, что я не всегда обладал его нравом и здравомыслием.

— Ты знал его? Ты тоже капитан?

— Знал, и был капитаном. Когда-то.

— Из-за какой-то ошибки, какой-то ошибки в суждении, — Арейос указал на имена, которым отдавал дань уважения незнакомец, — тебя лишили звания?

Осознав, что снова пренебрёг нормами приличия, он поспешил исправиться.

— Извини, если это было неуместно.

Незнакомец покачал головой, развеяв его тревогу.

— И да, и нет. Я совершал ошибки. Я не шёл тем же путём, что проложил Максим Эпат. И мой урок был намного суровее. Но меня не понижали в звании. Я умер. В некотором смысле. Когда я вернулся, орден изменился и двинулся дальше. Сама галактика изменилась.

— И тебя это не разозлило?

— Я нашёл себе другую цель.

Арейос вскинул бровь.

— Шататься по залу Торжества и пугать одиноких скорбящих?

Это была скверная шутка, но произнеся её, он сбросил немного внутреннего напряжения.

Незнакомец слегка усмехнулся. Великодушный жест.

— Хотел бы я настолько же легко выражать свою радость, как ты, брат, — сознался Арейос, сожалея о своём недавнем срыве.

— Так было не всегда. После того, как саван тьмы окутал меня, я не смеялся и не улыбался. В моих мыслях была только месть. Это хорошая эмоция, но лишь когда должным образом направлена. Если не относиться к ней с осторожностью, она обратится вовнутрь. Станет разрушительной. А разрушение предназначено не только для того, кто жаждет отмщения. Понимаешь?

Арейос не был уверен, что понимает. Не до конца. Он нахмурился.

— Пройдёмся вместе? — предложил незнакомец.

Арейос кивнул, и он вдвоём отправились в путь по мрачному залу Торжества.

— Тогда как же его обуздать? Эту жажду, о которой ты говорил? — в конечном итоге не выдержал Арейос. Поначалу, тишина казалась ему неуютной, но в итоге стала чем-то более дружеским. Но каким бы приятным ему ни стало это негласное товарищество, у него оставалось всего около часа; ему нужно было либо найти, наконец, Эпата, либо попрощаться со своим спутником и возвращаться на поверхность.

— Душа лидера, как и сердце воина, должна быть невозмутима. Будучи капитаном, ты обязан обладать ими обоими. Для этого ты был создан, выкован, чтобы стать им.

— Замысел создателя не предопределяет мою суть и то, кем я стану.

— Нет, это сделает за него жизненный опыт. Для подобных нам поражения неизбежны. Как и победы. Мы должны научиться одинаково реагировать и на то, и на другое. Властвовать над своим нравом и не позволять ему властвовать над нами.

— Не уверен, что до конца понял твою мысль.

— Мы не бессмертны, мы не вполне люди, и всё же обладаем человеческими качествами, поскольку созданы из человеческого сырья. Улучшены. Так?

Арейос кивнул.

— И будучи таковыми, мы подвержены человеческим эмоциям, пусть и приглушённым, перенаправленным на поддержание агрессии и стойкости. Зачем, по-твоему, нам нужны капелланы?

— Чтобы хранить историю ордена, поддерживать нашу веру в общее дело и в своих братьев.

— Они пастыри, брат, призванные оценивать нас и помогать нам держать чувства в равновесии. Моим грехом было высокомерие, скрывавшееся под блеском успеха и питающееся моими амбициями. Я стал одержим собой, вместо того чтобы полностью отдаваться служению ордену. Понимаешь?

— Кажется, понемногу начинаю.

— Хорошо. Честность. Это главный шаг вперёд. Не желая видеть свои недостатки, свою гордыню, я

потерпел поражение^[6]. Падать было очень больно, больнее чем я мог себе представить, поскольку и понятия не имел о том, насколько высокий пьедестал воздвиг сам себе — до тех пор, пока тот не рухнул у меня под ногами. Стоя на пороге смерти, я узрел видение, и оно изменило меня. Я думал, что моя эволюция завершена, и моё испытание окончено. Как же я ошибался. Знания было недостаточно — я должен был искоренить свои старые привычки, сбросить незримые жернова, которые я повесил себе на шею. Я отправился в ад на целых пять лет^[7]. Я терял воинов одного за другим и понятия не имел, выживем ли мы вообще. Мне едва удаётся считать мертвецов, но я позволяю себе испытывать эту боль — не из какого-то мазохизма, но чтобы помнить. Помнить, кем я был, и как я стал тем, кем являюсь сейчас. Я прошёл через ад и стал символом для тех, кто окружал меня. Мне было даровано всё, о чём я мечтал в годы своего высокомерия, а единственное, чего мне хотелось теперь — отринуть это. Но я не стал. Я использовал это. Не для себя, но для ордена и для тех, кто зависит от ордена. Я вновь встретился лицом к лицу со старым врагом, которого некогда самолично уложил в могилу, и превзошёл его. Я смотрел в глаза, не знающие смерти, и выжил. А он — нет.

— И после этого испытания ты вернулся?

— В мир, который я едва узнал. Но зато я познал самого себя, научился жить с былыми неудачами, и жить с памятью о мёртвых. Ты должен решить, можешь ли ты тоже жить с памятью о мёртвых. Ибо мёртвые не меняются, даже если меняться следует нам.

— Что, если я не могу? Что, если гнев слишком силён?

— Тогда ты обречён встретить свой собственный момент искупления. Надеюсь, что когда — и если это произойдёт, ты вспомнишь мои слова. Ну а пока что — мы на месте.

Они уже остановились. Увлечённый разговором, Арейос едва заметил это.

— На месте?

Незнакомец отошёл в сторону, и Арейос увидел символ. Его взгляд вцепился в высеченные слова.

Максим Эпат.

— Мёртвые расположены по порядку, согласно которому они вступили в орден, — пояснил незнакомец.

— Я знал, что Эпат будет недалеко от моей собственной гробницы.

Он горько улыбнулся.

— Брат, пришло время мне оставить тебя наедине с твоими воспоминаниями.

Символ располагался низко, и Арейос опустился перед ним на колени.

Он обернулся к уже уходившему незнакомцу.

— Я у тебя в долгу, брат, — сказал он, снова встав, чтобы протянуть ему руку. — Я Феррен.

Незнакомец подал руку в ответ, и они сжали предплечья по ультрамарскому обычаю. Он кивнул Арейосу, прежде чем отправиться в путь.

— Меня зовут Катон.

1. Бывший капитан 6-й роты Ультрадесанта, магистр обрядов (здесь и далее — примечания)

переводчика).

2. Группа тайных агентов Чёрного Легиона. Подробнее о них можно узнать в книгах серии «Огненная заря / Dawn of Fire».
3. Граждане (лат.).
4. Саул Инвикт — капитан Первой роты Ультрадесанта во время Первой тиранической войны.
5. Это имя принадлежит нескольким представителям Ультрадесанта, но по контексту подходит лишь магистр ордена и лорд Макрагга Агнацио, возглавлявший Ультрадесант в 646.M32.
6. Ник Кайм, «Падение Дамноса / The Fall of Damnos».
7. Ник Кайм, «Рыцари Макрагга / Knights of Macragge».

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Торжество_/_Solemnity_\(рассказ\)&oldid=27061](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Торжество_/_Solemnity_(рассказ)&oldid=27061)

Эта страница в последний раз была отредактирована 8 декабря 2024 в 03:44.